

6. Klein K.-P. *Zukunft zwischen Trauma und Mythos: Science-fiction. Zur Wirkungsästhetik, Sozialpsychologie und Didaktik eines literarischen Massenphänomens* [The future, between Trauma and Mythos: Science-fiction. On the aesthetic Effect, social psychology and didactics of a literary mass Phenomenon]. Stuttgart, Ernst Klett Verlag publ., 1976, 235 p.

7. Lange G., Neumann K., Ziesenis W. *Taschenbuch des Deutschunterrichts. Grundfragen und Praxis der Sprach- und Literaturdidaktik* [Paperback of German lessons. Basic questions and practice the language and literature didactics]. Baltmannsweiler publ., 1998, vol. 2, 496 p.

8. Nagl M. *Science fiction: ein Segment populärer Kultur im Medien- und Produktverbund* [Science fiction: a Segment of popular culture in the media and product Network]. Tübingen, Narr publ., 1981, 253 p. Available at: <http://books.google.de/books>.

9. Schwonke M. *Vom Staatsroman zur Science Fiction. Eine Untersuchung über Geschichte und Funktion der naturwissenschaftlich-technischen Utopie* [From the state Novel to Science Fiction. A study of the history and function of scientific-technical utopia]. Stuttgart, Ferdinand Enke Verlag publ., 1957, 194 p.

10. Suerbaum U., Broich U., Borgmeier R. *Science-fiction. Theorie und Geschichte, Themen und Typen, Form und Weltbild* [Science fiction. Theory and history, topics and types form and worldview]. Stuttgart, Reclam publ., 1981, 215 p. Available at: <http://journals.hil.unb.ca/index.php/IFR/article/viewFile/13552/14635>.

ОРИЕНТАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА «МАГИЧЕСКИЙ САД»

Дьяченко Татьяна Анатольевна, преподаватель, Астраханская государственная консерватория, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Советская, 23; аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, ул. Татищева, 20а, e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

Настоящая работа посвящена отражению поэзии Востока в лирике Валерия Брюсова. Согласно названию, в статье описываются ориентальные образы и мотивы в произведении «Магический сад». Большое внимание уделяется мотиву сада в поэтических традициях различных культур: античной, ренессансной и в особенности восточной (мусульманской), а также стилю поэзии на лексическом уровне и на уровне образов. Особенно отмечается использование символов суфийской поэзии в стихотворении В. Брюсова.

Ключевые слова: восточная поэзия, образ, суфизм, соловей, роза, сад, ориентальный мотив, суфийская поэзия

THE ORIENTAL IMAGES AND MOTIVES IN THE LITERARY WORK BY VALERY BRYUSOV "THE MAGIC GARDEN"

Dyachenko Tatyana A., Teacher, Astrakhan State Conservatory, 414000, Russia, Astrakhan, 23, Sovetskaya st.; Postgraduate Student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

This paper is devoted to the images of the poetry of the Orient in the works by Valery Bryusov. As the title implies the article describes the oriental images and motives in the literary work "The Magic Garden". Much attention is given to the motive of "the garden" in the poetic traditions of various cultures (Ancient culture, Renaissance culture and especially Oriental muslim culture) and also to the poetry style on the linguistic level and the level of image. It is specially noted the use of the symbols of the sufi poetry in the literary work by Valery Bryusov.

Keywords: oriental poetry, image, sufism, nightingale, rose, garden, oriental motive, sufi poetry

Валерий Яковлевич Брюсов уже на раннем этапе творчества (с 1895 г.) обращается к теме Востока, что проявляется, прежде всего, в использовании ориентальных образов как средства эстетизации жизни, однако восточная символика подается без детализации элементов, этнографической и национальной самобытности.

Ориентализм поэзии Брюсова представлен в общем потоке экзотики дальних стран: Индия, Персия, Ява, Восточная Полинезия, Перу [3, с. 159], в отличие от многих своих современников, в частности К.М. Фофанова, в произведениях которого («Из цветника роз Саади», «Соловей» и т.д.) ярко выражен акцент на Восток мусульманский. Например, в стихотворении «Еще гарем не спал» он описывает идиллию исламского серала, воспроизводя орнаментальный стиль восточного поэтического искусства: *«Еще огни лампад таинственно мерцали / Сквозь голубой туман / Курильниц золотых, и брызги вод спадали / На мрамор звучных ванн».*

Одним из первых произведений В.Я. Брюсова, в котором отчетливо звучат мотивы поэзии Востока, является «Магический сад» (1895 г.):

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.

Цветут каштаны, манят розы,
Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин
Бесстрастно дышит бальзамин.

Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним взывал; мой стон для них
Был слишком чужд и слишком тих.

И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.

Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студеная вода!

Я, мучим жаждой беспощадной,
К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
Хватаю камни, изнемог –
И вновь упал на мягкий мох.

Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, – все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.

Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад – жесточе степи!
Воды! воды! – и тщетный стон
Холодным эхо повторен.

Мотив сада широко распространен: христианская мифология говорит о райском саде Эдема, где начинается история человечества; в Античности возникает любовная аллегория Запада, связанная с садом Афродиты и Эротта, перешедшим в византийский роман и ставшим источником вдохновения поэтов [7. с. 69], в том числе младосимволистов (у Брюсова в «Гимне Афродите»: *«Твой луч, как меч, взнесенный надо мной, / Вновь льет в мой сад слепительность и зной, / Что зелень светлым Аквилоном взвита, / Что даль в цветах и песни реют в них, – / Прими мой стих, / Ты, Афродита!»*); литература эпохи Возрождения трактует образ сада как символ радости бытия. Подобное встречаем в итальянской ренессансной поэзии, в частности в сонете Франческо Петрарки, где лирический герой, переживая смерть возлюбленной, говорит о более невозможном жизненном удовольствии, метафорой которого становится сад:

...né d'aspettato ben fresche novelle
né dir d'amore in stili alti et ornati
né tra chiare fontane et verdi prati
dolce cantare honeste donne et belle;
né altro sarà mai ch'al cor m'aggiunga...

(отрывок из сонета ССХII,
«На смерть мадонны Лауры»)

...Ни гости с вестью про чужие
страны,
Ни рифм любовных сладкая
краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся
фонтаны, -
Ничто не тронет сердца моего...
(перевод Вяч. Иванова)

...Ни ожидание небывалых вестей,
Ни любовные речи стилия возвышенного и нарядного,
Ни лучезарные фонтаны и зеленые сады,
Среди которых пение благочестивых и прекрасных жен;
Ничто иное никогда не станет тем, что в сердце мое войдет...
(подстрочный перевод с итальянского мой – Т.Д.)

Таким образом, сад – поэтический топос в европейских литературах, комплекс, заключающий в себе дохристианскую (языческую) и христианскую общеевропейскую культурную традицию. Однако бруссовский сад берет свое начало с Востока.

Магический (волшебный) сад является одним из центральных образов персидской суфийской поэзии, символизирующих, помимо места уединения влюбленных, с одной стороны – рай, с другой – мир как упорядоченное бытие:

В сад я в горести вышел и утру не рад,
Розе пел соловей на таинственный лад:
«Покажись из бутона, возрадуйся утру,
Сколько чудных цветов подарил этот сад!»
(рубай Омара Хайяма)

Был в саду я, любимая, жаль, что тебя там не встретил,
Шел к тебе я, какая печаль, что тебя там не встретил,
Сколько писанных было красавиц в том райском саду,
Жаль, в такую забрался я даль, а тебя там не встретил.
(персидская народная поэзия)

Волшебный сад (сад истины) – важный образ для эзотерического течения мусульманской философии. В Коране рай описан в виде четырех садов: души, сердца, духа и сущности, и в каждом из них находятся три вещи: фонтан (символ восприятия частного, форм, идей; источник просветления), вода (символ света, знания, озаренного откровением) и плоды (финик (им питалась Дева Мария, породившая дух [1, с. 29]), гранат – символ божественного единства) [6, с. 20].

С позиций суфизма возможна интерпретация сюжета произведения Брюсова. Магический сад (мир) визуально великолепен, по-восточному разноцветен и роскошен (подобному восприятию способствуют ордологические образы, ставшие маркерами ориенталистики, цветущих каштанов, манящих роз, ярких куртин), однако в действительности предстает жестокой степью («*Что мне до всех великолепий! / Волшебный сад – жесточе степи!*»), в которой лирический герой (странник-суфий, ищущий истину) претерпевает муки жажды (взыскивает правду). Попытки ее утоления тщетны: фонтаны – источники просветления, «смокли и иссякли, / И, русла обнажив свои, / Пленяют камнями ручьи». Парадоксальное решение темы (пышный пейзаж изображаемо-

го художественного пространства невозможно представить без воды) также указывает на прочтение образа магического сада сквозь призму суфийского мистицизма.

Брюсов выбрал в качестве эпиграфа четверостишие из стихотворения Ф.И. Тютчева «Пошли, Господь, свою отраду...»:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой.

Интертекстуальные связи между двумя поэтическими текстами безусловны, на них указывает сам автор. Разница заключается в том, что герой Ф.И. Тютчева наблюдает со стороны за нищим странником, а в «Магическом саду» оба субъекта (лирический герой и странник) слиты в едином образе лирического «я»:

В.Я Брюсов	Ф.И. Тютчев
Цветут каштаны, манят розы, Порхают светлые стрекозы, Над яркой роскошью куртин Бесстрастно дышит бальзамин.	Кто смотрит вскользь через ограду На тень деревьев, злак долин, На недоступную прохладу Роскошных, светлых луговин.
Изображение роскошного пейзажа, пребывание в котором недоступно лирическому герою – нищему страннику, имеет символическое значение, актуализирует мотивы скитальчества, одиночества, изгнанничества.	
И, все ж, нигде воды ни капли! Фонтаны смолкли и иссякли <...>	<...> И пыль росистая фонтана Главы его не осенит.
Мотив жажды выступает движущей силой сюжета.	
Что мне до всех великолепий! Волшебный сад — жесточе степи! <...>	<...> Как бедный нищий мимо саду Бредет по знойной мостовой.
Сад как метафора роскошной жизни является антитезой раскаленной степи и знойной мостовой – символов нищеты, жажды, возведенной в абсолют.	

Помимо перечисленных суфийских символов, в «Магическом саду» в ряд ориентальных помещен образ розы («*Цветут каштаны, манят розы...*»).

Общеизвестно значение Розы для поэтического искусства Персии и культуры в целом. Являясь символом бессмертной красоты, роза становится устойчивым сравнением: ей уподобляется очарование возлюбленной лирического героя:

با سرو قدی کی تازه تر از خرمن گل
از دست مده جام می و دامن گل
زان پیش که ناگه شود از باد اجل
پدراهن عمر تو چو پدراهن گل

(Рубай Омара Хайяма)

Ты жив, здоров, беспечен, пей пока
С красавицей, как роза цветника,
Покамест не сорвет дыханье смерти
Твой краткий век подобьем лепестка.

(перевод В.Державина)

С красавицей, которая свежее розы,
Не пропусти момент пить вино,
До той поры, пока ветер смерти не унесет
Рубашку твоей жизни как розовые лепестки.

(подстрочный перевод с фарси мой – Т.Д.)

Брюсовский сад, вне сомнения, не мог обойтись без этого неотъемлемого образа «сада истины».

Особого внимания заслуживает форма произведения «Магический сад». Оно написано катренами, строки в которых зарифмованы по схеме AAbb, что является более простой разновидностью такого рода строф (состоит из двух двустиший, объединённых общей темой). Подобный тип рифмы особенно распространён в восточной поэзии, присущ стихотворной форме месневи, где рифмуются каждые две строки. В качестве примера приведем отрывок из суфийской поэмы «Китаб ал-масневи» («Книга парнорифмующихся строк»), написанной Джалаладдином Руми:

بشنو این نی چون شکایت می‌کند
از جداییها حکایت می‌کند

Послушай, как ней этот горько поет,
Рассказ о разлуке своей он ведет.

کز نیستان تا مرا ببریده‌اند
در نفیرم مرد و زن نالیده‌اند

(«Маснави», книга I,
«Песня флейты») «С тех пор как мой стебель с землей
разлучили,
Стенания дев и мужей в него заключи-
ли...»

(подстрочный перевод с фарси
мой – Т.Д.)

Прислушайся к голосу флейты – о чем она, плача, скорбит.
О горестях вечной разлуки, о горечи прошлых обид:

«Когда с камышового поля был срезан мой ствол пастухом,
Все стоны и слезы влюбленных слились и откликнулись в нем...»
(перевод В. Державина)

«Магический сад» В.Я. Брюсова не только по содержанию, но и стихотворной форме сближается с ориентальной поэтикой, обнаруживая при этом интертекстуальные связи с произведениями русских классиков, в частности Ф.И. Тютчева («Пошли, Господь, свою отраду»). Философское прочтение центрального образа волшебного сада (сада истины), а также образов фонтана (источник просветления) и воды (символ знания) позволяет говорить о суфийском подтексте в произведении. Символ вечной красоты – роза, образ которой также помещен Брюсовым в пространство художественного мира, роднит «Магический сад» с образцами поэтического искусства Востока.

Список литературы

1. Лале Б. Суфий. Образы мистического поиска / Б. Лале. – М. : Эннеагон Пресс, 2007. – 120 с.
2. Любовный напиток. Лучшая персидская лирика. – М. : Эксмо, 2015. – 480 с.
3. Мирза-Авакян М. Восток в творчестве В.Я. Брюсова / М. Мирза-Авакян // Историко-филологический журнал. – 1978. – № 2. – С. 159–174.
4. Омар Хайям. Рубаи. Газели / Хайям Омар. – М. : Эксмо, 2012. – 544 с.
5. Песни Ширази. Персидская народная поэзия в переводах А. Ревича. – М. : Художественная литература, 1987. – Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/PERS/shiraz.txt>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Раскина Е. Художественный мир персидской миниатюры в поэтическом творчестве Н.С. Гумилёва / Е. Раскина // Суфий. – 2013. – № 16. – С. 18–28.
7. Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Л. И. Сазонова // Учреждение Российской академии наук. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 894 с.

8. Смирнов А. В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби) / А. В. Смирнов. – М. : Наука, 1993. – 327 с.
9. Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.
10. Формы восточной поэзии. – Режим доступа: http://culture-into-life.ru/stihotvornye_formy_vostochnoj_poezii, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Lale B. Sufij. *Obrazy misticheskogo poiska* [The images of a mystical search]. Moscow, Jenneagon Press publ., 2007, 120 p.
2. *Ljubovnyj napitok. Luchshaja persidskaja lirika* [Love potion. Best Persian lyrics]. Moscow, Jeksno publ., 2015, 480 p.
3. Mirza-Avakjan M. *Vostok v tvorchestve V.Ja. Brjusova* [The East in the works of V. Brusov]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal* [Journal of history and philology], 1978, no. 2, pp. 159–174.
4. Omar Hajjam. *Rubai. Gazeli* [Rubai. Gazelles]. Moscow, Jeksno publ., 2012, 544 p.
5. *Pesni Shiraza. Persidskaja narodnaja poezija v perevodah A. Revicha* [Shiraz Songs. Persian folk poetry in A. Revich's translations]. Moscow, Hudozhestvennaja literature publ., 1987. Available at: <http://lib.ru/POEEAST/PERS/shiraz.txt>.
6. Raskina E. *Hudozhestvennyj mir persidskoj miniatjury v pojeticheskom tvorchestve N.S. Gu-miljova* [The artistic world of Persian miniatures in the poetic works of N.S. Gumilev]. *Sufij* [Sufi], 2013, no. 16, pp. 18–28.
7. Sazonova L. I. *Pamjat' kul'tury. Nasledie Srednevekov'ja i barokko v russoj literature Novogo vremeni* [Cultural memory. Medieval and Baroque heritage in the Russian literature of the Modern time]. *Uchrezhdenie Rossijskoj akademii nauk. Institut mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo RAN* [Establishment of the Russian Academy of Sciences. Institute of world literature. A. M. Gorky of RAS]. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi publ., 2012, 894 p.
8. Смирнов А. В. *Velikij shejh sufizma (opyt paradigmalnogo analiza filosofii Ibn Arabi)* [The great Sheikh of Sufism (experience of paradigmatic analysis of Ibn Arabi's philosophy)]. Moscow, Nauka publ., 1993, 327 p.
9. Смирнов А. В. *Logika smysla. Teorija i ee prilozhenie k analizu klassicheskoj arabskoj filosofii i kul'tury* [The logic of sense. Theory and its application to the analysis of classical Arab philosophy and culture]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury publ., 2001, 504 p.
10. *Formy vostochnoj poezii* [Forms of Eastern poetry]. Available at: http://culture-into-life.ru/stihotvornye_formy_vostochnoj_poezii.

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИРИЧЕСКОГО ТРИПТИХА М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОПЫТКА КОМНАТЫ», «С МОРЯ», «НОВОГОДНЕЕ»

Спесивцева Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, e-mail: krilovalubov@bk.ru.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ритмической организацией лирических поэм М. Цветаевой «Попытка комнаты», «С моря», «Новогоднее», отличительная особенность которой – нарушение канонов плавной ритмики. Рассматриваются такие элементы ритма, как пауза, интонация, размер. Выявляется роль ассонансных, диссонансных, усеченных, замещенных, неравносложных рифм в ритмической организации текста произведений.

Ключевые слова: лирический триптих, жанр, поэма, лирический герой, ритм, рифма, размер, фоника